

Горы и Ущелья

Первый рукописный сборник поэта Николая Гумилева,
посвященный и подаренный им Марии Михайловне Маркс
1903 год, Тифлис

Посвящение к сборнику «Горы и ущелья»

I

Люблю я чудный горный вид,
Остроконечные вершины,
Где каждый лишний шаг грозит
Несвоевременной кончиной.

II

Люблю над пропастью глухой
Простором дали любоваться
Или неверною тропой
Всё выше-выше подниматься.

III

В горах мне лют и Божий свет,
Но лют и смерти миг единый!
Не заманить меня вам, нет,
В пустые, скучные долины.

Я в лес бежал из городов...

Я в лес бежал из городов,
В пустыню от людей бежал...
Теперь молиться я готов,
Рыдать, как прежде не рыдал.

Вот я один с самим собой...
Пора, пора мне отдохнуть:
Свет беспощадный, свет слепой
Мой выпил мозг, мне выжег грудь.

Я грешник страшный, я злодей:
Мне Бог бороться силы дал,
Любил я правду и людей;
Но растоптал я идеал...

Я мог бороться, но как раб,
Позорно струсив, отступил
И, говоря: «Увы, я слаб!» —
Свои стремленья задавил...

Я грешник страшный, я злодей...
Прости, Господь, прости меня.
Душе измученной моей
Прости, раскаянье ценя!..

Есть люди с пламенной душой,
Есть люди с жаждою добра,
Ты им вручи свой стяг святой,
Их манит и влечет борьба.
Меня ж прости!..»

Я вечернею порою над заснувшего рекото...

Я вечернею порою над заснувшего рекото,
Полон дум необъяснимых, всеми кинутый, брожу.
Точно дух ночной, блуждаю, встречи радостной не знаю,
Одиночества дрожу.

Слышу прошлые мечтанья, и души моей страданья
С новой силой, с новой злобой у меня в груди встанут.
С ними я окончил цело, сердце знать их не хотело.
Но они его гнетут.

Нет, довольно мне страданий, больше сладких упований
Не хочу я, и в бесстрастие погрузиться не хочу.
Дайте прошлому забвенью, к настоящему презренью.
И я в небо улечу.

Но напрасны все усилия, тесно связанные крылья
Унести меня не могут с опостылевшей земли.
Как и все мои мечтанья, мои прежние страданья
Позабыться не могли.

У скалистого ущелья...

У скалистого ущелья,
Одинокий я стоял,
Предо мной поток нагорный
И клубился, и сверкал.

Из-за туч, кроваво-красна,
Светит полная луна,
И в волнах потока мутных
Отражается она,

И какие-то виденья
Всё встанут передо мной,
То над волнами потока,
То над пропастью глухой.

Ближе, ближе подлетают,
Наконец, — о, страшный вид! —
Пред смущенными очами
Вереница их стоит.

И как вглядываются ближе,
Боже, в них я узнаю
Свои прежние мечтанья,
Молодую жизнь свою.

И все прошлые желанья,
И избыток свежих сил,
Всё, что с злобой беспощадной
В нас дух века загубил.

Всё, что продал я,
Прельстившись
На богатство и почет,
Все теперь виденьем грозным
Предо мною предстает.

Полон грусти безотрадной,
Я рыдаю, и в горах
Эхо громко раздается,
Пропадая в небесах.

Вам, кавказские ущелья...

Вам, кавказские ущелья,
Вам, причудливые лхи,
Посвящато песнопенья,
Мои лучшие стихи.

Как и вы, душа угрюма,
Как и вы, душа мрачна,
Как и вы, не любит шума,
Ее манит тишина.

Буду помнить вас повсюду,
И хоть я в чужом краю,
Но о вас я не забуду
И теперь о вас пою.

На сердце песни, на сердце
слезы...

На сердце песни, на сердце слезы,
Душа страданиями полна.
В уме мечтания, пустые грезы
И мрак отчаянья без дна.

Когда же сердце устанет биться,
Грудь наболевшая замирет,
Когда ж покоем мне
насладиться
В сырой могиле придет черед?

В шумном вихре
юности цветущей...

В шумном вихре юности
цветущей
Жизнь свою безумно я сжигал,
День за днем, стремительно
бегущий,
Отдохнуть, очнуться не давал.

Жить, как прежде больше не
могу я,
Я брожу, как охладелый труп,
Я томлюсь по ласке поцелуя,
Поцелуя милых женских губ.

Много в жизни моей я трудов
испытал...

Много в жизни моей я трудов испытал,
Много вынес и тяжких мучений,
Но меня от отчаянья часто спасал
Благодатный, таинственный гений.

Я не раз в упоении великой борьбы
Побеждаем был вражеской силой,
И не раз под напором жестокой судьбы
Находился у края могилы.

Но отчаянья не было в сердце моем
И надежда мне силы давала.
И я бодро стремился на битву с врагом,
На борьбу против злого начала.

А теперь я измучен тяжелой борьбой,
Безмятежно свой век доживаю,
Но меня тяготит мой позорный
покой,
И по битве я часто вздыхаю.

Чудный гений надежды давно отлетел,
Отлетели и светлые грезы,
И остались трусости жалкой в удел
Малодушно-холодные слезы.

Молодой францисканец

I

Младой францисканец,
безмолвно сидит,
Объятый бесовским волнением.
Он книгу читает, он в книге
чертит,
И ум его полон сомнением.

И кажется тесная келья ему
Унылей, угрюмее гроба,
И скучно, и страшно ему
одному,
В груди подымается злоба.

Он мало прожил, мало знает
он свет,
Но чудные знает преданья
О страшных влияньях
могучих планет,
О тайнах всего мирозданья.

Но все опостылило в жизни
ему
Без горя и радостей света.
Так в небе, внезапно
прорезавши тьму,
Мелькает золотая комета

И, после себя не оставив следа,
В пространстве небес
исчезает,
Так полная сил молодая душа
Бесплодно в стенах изнывает.

Младой францисканец,
безмолвно сидит,
Главу уронивши на руки,
Он книгу отбросил и в ней не
чертит,
Исполнен отчаянной муки.

«Нет, полно, — вскричал он,
— начну жить и я,

Без радостей жизнь да не
вянет.
Пуškai замолчит моей
грусти змея
И сердце мне грызть
перестанет.

Бегу из монашеских душных я
стен,
Как вор, проберуся на волю,
И больше, о нет, не сменяю на
плен
Свободную, новую долю».

II

Суров инквизитор великий
сидит,
Теснятся кругом кардиналы,
И юный преступник пред
ними стоит,
Свершивший проступок
немалый.

Он бегство затеял из
монастыря
И пойман был с явной
уликой,
Но с сердцем свободным,
отвагой горя,
Стоит он бесстрашный,
великий.

Вот он пред собранием ведет
свою речь,
И судьи, смутясь, робеют,
И стража хватается гневно
за меч,
И сам инквизитор бледнеет.

«Судить меня сметот, и кто
же — рабы!
Прислужники римского папы
Надменно и дерзко решают
судьбы
Того, кто попался им в лапы.

Ну что ж! Осудите меня на

костер,
Хвалитесь мощью своею!
Но знайте, что мой не
померкнется взор,
Что я не склоню свою шее!

И смерть моя новых бойцов
привлечет,
Сообщников дерзких, могучих;
Настанет и вашим
несчастьям черед!
Над вами собираются тучи!

Я слышал: в далеких
германских лесах,
Где все еще глухо и дико,
Поднялся один благородный
монах,
Правдивото злобой великий.

Любовито к жизни в нем сердце
горит!
Он юности ведает цену!
Блаженство небес он людям не
сулит
Земному блаженству в
замену!

А вы! Ваше время давно
отошло!
Любви не вернете народа.
Да здравствует свет,
разгоняющий зло!
Да здравствует наша свобода!

Прощайте! Бесстрашно на
казнь я иду,
Над жизнью моею вы воольны,
Но речи от сердца сдержать не
могу,
Пуškai его вы недовольны».

Я всю жизнь отдало для великой
борьбы...

Я всю жизнь отдало для великой борьбы,
Для борьбы против мрака, насилия и тьмы.
Но увы! Окружают меня лишь рабы.
Недоступные светлым идеям улы.

Они или холодной насмешкой своей,
Или трусостью рабской смущают меня,
И живу я во мраке не видя лучей
Благодатного, ясного, светлого дня.

Но меня не смутить, я пробьюсь вперед
От насилия и мрака к святому добру,
И, заведя светила свободы восход,
Я спокоен умру.

Во мраке безрадостном ночи...

Во мраке безрадостном ночи,
Душевной больной пустоты
Мне светят лишь дивные очи
Ее неземной красоты.

За эти волшебные очи
Я с радостью, верь, отдам
Мое наболевшее сердце,
Усталую душу мою.

За эти волшебные очи
Я смело в могилу сойду,
И первое, лучшее счастье
В могиле сырой я найду.

А очи, волшебные очи,
Так грустно глядят на меня,
Исполнены тайной печали,
Исполнены силой огня.

Напрасно рождаются мечтанья,
Напрасно волнуется кровь.
Могу я внушить состраданье,
Внушить не могу я любовь.

Летит равнодушное время
И быстро уносится в даль,
А в сердце холодное бремя
И душу сжигает печаль.

Я песни слагаю во славу твою...

Я песни слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю,
Затем, что меня ты не любишь.

Я вечно страдаю и вечно грущу,
Но, друг мой прекрасный, тебя я прощу
За то, что меня ты погубишь.

Так раненный в сердце шипом соловей
О розе-убийце поет всё нежней
И плачет в тоске безнадежной,

А роза, склонясь меж зеленой листвы,
Смеется над скорбью его, как и ты,
О друг мой, прекрасный и нежный.

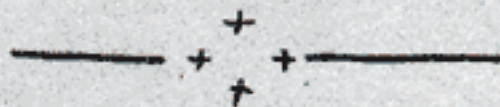
Стихотворенія
Николая Гумилева.

X
X М.М.М. X

Я постиг слагаю во славу твою
Затем, что тебя я безумно люблю
Затем, что меня ты не любишь.

Я вечно страдаю и вечно грущу
Но друг мой прекрасный тебя я ищу
За то, что меня ты полюбил.
Так раненый в сердце шепчет славой
О розе убитой поет все живое
И плачет в тоске безнадежной,
А роза, скрывая темноту зеленой листвы
Смеется над скорбью его, как и ты
О друг мой прекрасный и востань.

Пропавшая в небесах.

Молодой францисканец.

I

Молодой францисканец безмолвно сидит

Облеченный в монашеские одежды

Он книгу читает, он в книгу записывает

И уныло его лицо сияет.

И кажется утесная иела ему

Унылый, угрюмый гроб,

Много во жизни моей трудов испытал
Много браней и тяжких мучений
Но меня от отчаянья жиста спасал
Благодатный, таинственный свет.

И не раз во унынии ^{великой} ~~тоске~~ борюсь
Подбуждается божья бранная сила
И ~~не раз~~ над какою жестокой судьбой
Находился у края могилы.

Но отчаянья не было в сердце моем
И надежда моя силы давала.

Я всю жизнь отдаю для великой борьбы
Для борьбы противу мрака, насилия и тьмы.
Но увы! окрывают меня лишь рабы.
Нидося ~~подать~~ ^{своим} святым идеям злым.

Они мне палочкой камишкиной свей
Или пурисатом рабской служат мне
И живу я во мраке не видя лучей
Благодатного, ясного, светлого дня.

Но неча не снути, я пробую вперед
Отъ насилия и мрака ко святому добру